

УДК 811:299.4

doi: 10.18101/2305-753X-2017-1-16-28

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ САКРАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ
САЯНО-АЛТАЯ В СВЕТЕ ЭТНОГОНИЧЕСКИХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ МИФОВ**© **Лебедев Роман Викторович**

научный консультант

АНО «Сибирская академия целостного развития человека «АкадемТорум»

E-mail: lrv-lmk@yandex.ru

В данной статье рассматриваются некоторые географические номинации: топонимы, гидронимы, эндемики (аборигенные географические названия) в предполагаемых центрах этногенеза тюрко-монголов. Эти центры трактуются как «геокультурное пространство», в котором топонимы–знаки — носители смысла и воплощение значений тэнгри-камского архаического знания.

В работе показано, что объединяющим этногоническим мифом тюрко-монголов стал саяно-алтайский эндемик — «Хем//Кем», отражающий в себе первичный анропоним — Кемер, распространившийся на этноним — киммерийцы (прото-тюрко-монголы) и на гидроним — Улуг-Хем, а также входящий в состав теонимов и религиозных понятий, связанных с тэнгрианским мировоззрением («Кем//Кам» и «кемпіркосак»).

Анализ древних, основных и общих для тюрко-монголов этногонических мифов: об Эргунэ-Хун//Эргенеконе, о потоке и о лебедь–прародителе; интерпретация топонимов, гидронимов, эндемиков, этнонимов Саяно-Алтая, а также прочтение текста «геокультурного пространства» бассейна реки Ку//Лебедь на Севере Алтая говорит о древности и общности тюрко-монгольских этносов, единстве их исторического развития, целостности мировоззренческих тэнгри-камских представлений в рамках единого сакрального центра Саяно-Алтайской горной системы.

Ключевые слова: тэнгри-камство; этногонические мифы; Эргенэ-Хун; Улуг-Хем; лебедь; дракон; Тэнгри; Эрлик-хан; киммерийцы; древние тюрки; монголы; кумандинцы; челканцы.

Основными и общими для прото-тюрко-монголов являются этногонические мифы: миф об Эргунэ-Хун//Эргенеконе, легенда о потоке и предание о лебедь–прародителе. Данные мифы нашли свое отражение в географических названиях: в гидронимах и топонимах Саяно-Алтайской горной системы.

В статье на основе методов: герменевтической интерпретации, метода прочтения текста «геокультурного пространства» [19], сравнительно-лингвистического анализа, сравнительно-исторического анализа предлагается рассмотрение некоторых географических номинаций: топонимов и гидронимов, микропонимов и микрогидронимов, эндемиков (аборигенных географических названий) в предполагаемых центрах этногенеза тюрко-монголов. Эти центры трактуются как «геокультурное пространство», в котором топонимы–знаки — не столько носители географической информации, сколько носители смысла и воплощение значений тэнгри-камского архаического знания.

В процессе исследования делается попытка показать древность и общность тюрко-монгольских этносов, единство их исторического развития и целостность

мировоззренческих представлений, обусловленных общим этногенезом в рамках единой сакральной территории Саяно–Алтая.

Источниковую базу настоящего исследования составляют с одной стороны, топографические источники: топонимические словари, картографические карты, с другой — философско-религиоведческие источники: сакральные предания и мифы тюрко-монголов собранные этнографами, мифологические словари, а также информация полученная автором в результате опроса местных коренных жителей проживающих в бассейне реки Ку//Лебедь в северной части Горного Алтая.

Географ Л. С. Берг говорил о том, что топонимы, как «народные термины» являясь «результатом многовековых наблюдений постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ» заслуживают внимательного отношения, как филологов, так и географов. Но не только их, но также историков, этнографов и религиоведов. Потому как, именно исследование «народных терминов» дает «немало указаний на ход колонизаций, перемещения народных масс и взаимные влияния соседних народностей» [19].

Микротопонимия и микрогидронимия складывается естественным путем, организуя пространство этноса [36]. При этом микротопонимы отражают его историю, его мировоззрение, его мифологию, относящуюся к доисторическим эпохам, его тотемные образы, являющиеся одновременно названиями этнических групп проживающих в районе формирования географических номинаций [24, с. 350]. Географические названия появляются вследствие осмысленного процесса номинации, исходя из каких-либо признаков отражающих исторические реалии. Они выступают важными показателями исторического прошлого [27, с. 4]. Топонимические названия представляют собой «результат освоения человеком окружающего мира». Они несут «отображение мифологических представлений различных эпох ... Окружающий мир человек вводит в контекст своей культуры и, давая наименования объектам географического ландшафта, не столько описывает его, сколько онтологизирует, осваивает. Поэтому топонимические названия должны сохранять следы как различных представлений о географическом пространстве, так и различных мифологических текстов, имеющих значение в процессах номинации» [23, с. 32–33]. Место этногенеза и дальнейшего проживания этнической группы представляет собой единый природно-культурный комплекс, который отражаясь в мифе, становится сакральной территорией.

Наиболее стабильными топонимическими образованиями, обладающими большой информационной емкостью являются гидронимы, которые даже через тысячелетия сохраняют свою основу. Именно гидронимы проливают свет на этногенез и этнические связи. Реки — это источник жизни, пути сообщения, торговли, новые контакты, обогащение новыми идеями. Отмечается взаимное влияние этнонима и гидронима: с одной стороны — это номинация этнических групп по гидронимам, с другой — воздействие этнонима на процесс формирования гидронима [27, с. 32–33, 43–44].

Что касается тюрко-монгольских элементов в топонимике, то они, имея устойчивый характер, как раз и оказали влияние на образование географических названий на обширных пространствах Евразии [26, с. 161].

В легенде об Эргунэ-Хун (Эргенекон) говорится о том, что предки тюрко-монголов вышли из этой местности, которая представляла собой согласно источника горную котловину, окруженную со всех сторон крутыми хребтами, расположенными в форме почти правильного круга. В котловине Эргунэ-Хун размножившимся тюрко-монголам стало тесно, и они вышли оттуда, расплавив богатой железной рудой крутой склон и, сделав проход сквозь горный хребет, расселились на просторах степи [2].

Анализ источников, проведенный профессором Н. В. Абаевым, показал, что описываемая местность полностью соответствует описанию Тоджинской котловины в Восточной Туве (древний Урянхай). А «протекающая через эту котловину река», как указывалось в источниках, является главным притоком Улуг-Хем (рус. — Енисей) [4].

В тесной связи с легендой об Эргунэ-Хун (Эргенекон) стоит сказание о первопродке тюрко-монголов — Ное (Нух, Нукуз) и всемирном потопе. Имя Ноя сопоставимо со второй частью названия тюрко-монгольской Прародины: Ной//Нукуз//Нэкус//Нэкун//Нэхун и Эрхуу-Нэхун//Эргунэ-Хун//Эргенекон. Плот Ноя (Ковчег//Кереп//Демир-сал) был обнаружен экспедицией профессора Н. В. Абаева совместно с Чооду Кара-Куске и Айбек Соскал в 2012 г. в Туве на горе Буура. Гору Буура огибают реки Эйлиг-Хем и Мунгаш-Хем, которые впадают в реку Улуг-Хем//Кем. Вся тувинская гидронимия окружающая гору Буура включает в себя это слово: Хем — Бий-Хем (Большой Енисей), Каа-Хем (Малый Енисей), Улуг-Хем (Верхний Енисей). Остановимся подробнее на анализе этих гидронимов.

Улуг-Хем (Верхний Енисей) — по-хакасск. «Кем», «Ким-суғ» или «Хан Ким-суғ», при этом «суғ» — «река», а «Ким» — «большая» [10]; в китайских летописях «Гянь». Термин Хем в составе гидронимов Тувы означает: «река, речка». Данный термин встречается и на территории Горного Алтая. Э. М. Мурзаев относит Хем к эндемичным терминам Саяно-Алтая, причем территория Тувы предстает как эпицентр этого термина. Специалисты издавна считают тув. Хем//алт. Кем субстратным словом, поскольку в других тюркских языках оно не встречается и не имеет каких-либо словообразовательных или этимологических связей с тюркской лексикой. Древний характер слова документирован его фиксацией в древнетюркских надписях 8 в., где Кем — название Енисея в пределах Тувы, которая там называется Кегмен Ыйш «Кегменская чернь» [29].

На наш взгляд, данный гидроним Хем//Кем//Ким связан с древнейшим этнонимом и исходным, изначальным библейским антропонимом, который теснейшим образом привязан к легенде о прародине тюрко-монголов Эргунэ-Хун//Эргенекон, мифе о потопе и Урянхаем.

Согласно библейскому повествованию первый сын Яфета//Яфса, внук Ноя — это Гомер//Кемер. Имя Кемер можно прочитать по-тюркски как: Кем//Хем + Ер («муж, воин»). В «Родословной тюрков» Абулгази Бахадур-хана Гомер/Кемер назван Камари [41], поэтому справедливо и замена Кем на Кам. Тогда имя внука Ноя можно прочитать как — Кам-Ер. Замену Кем на Кам производит Г. Н. Потанин в комментариях к своим «Очеркам...». Кыргызское (Казахское) название радуги у Г. Н. Потанина — «Кемпырнынг-кусагы» (Кемпірқосақ). К члену Кемпыр близка форма Камбар, Камбар-бий — личное имя кыргызов. И он сравнивает Кемпыр с

именем громовника, т.е. Тэнгри [30]. Здесь стоит отметить, что именно радуга как завет с Небом/Тэнгри впервые явилась Ною: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением (вечного) завета между Мною и между землею» (Быт. 9:13-16). Итак, корневая основа Кем связана с внуком Ноя — Кемером и с заветом Тэнгри — радугой, Кемпіркосақ. Исходный антропоним: Кемер. По мнению шведского доктора философии, археолога, лингвиста, историка, рунолога Й. Геранссона (Johan Göransson, 1712–1769) именно внук Ноя Гомер/Кемер создал руническую письменность и принес ее в Европу [18].

Иосиф Флавий сообщает, что потомки Кемера (Гомара) — гомарейцы, в ассирийских документах — гимиру, т. е. — киммерийцы. Исходя из библейской географии, яфетидам отводится весь север известной древней карты Земли, а потомкам Кемера самая северная часть Земли [38]. Древнейший этноним: киммерийцы. Киммерийцы — прото-тюрко-монголы. Об этом говорят историки. Например, историк, филолог, профессор К. Т. Лайпанов и археолог, этнограф, канд. ист. наук И. М. Мизиев в своих работах пишут о тюркоязычности киммерийцев: «Опираясь на труды ученых XIX и XX вв., мы с И. М. Мизиевым писали о том, что названия киммерийцев (киммеров) ... — тюркские, и они сами были древними тюрками... наследниками древнейших тюрков курганной культуры. Как пишут А. Д. Грач, И. М. Мизиев и другие известные ученые, их этническим паспортом являлись: уклад ведения кочевого хозяйства, юрты, повозки, погребение умерших в срубках и деревянных саркофагах-колодах под курганами в сопровождении коней, войлочные подстилки на дне могилы; все древние авторы называли их конедами, пьющими кумыс и т.д.» [20]. Или, например, историк, сотрудник Института археологии и этнографии НАН Азербайджана Заур Гасанов в одной из своих статей исследуя археологические памятники киммерийцев, проводит аналогии между «киммерийским шаманизмом» и «шаманистической» культурой тюрко-монгольских народов Сибири, и находит много общего [43].

Если Ковчег и Ной находились на горе Бууре, то вполне логично, что и внук Ноя Кемер жил рядом с этой горой, отсюда и древность, и эндемичность гидронима Кем, а также то, что эпицентр распространения термина Кем, как и этноса — киммерийцев (как прото-тюрко-монголов) — территория Тувы. Интересна возможная первоначальная связь тюркских слов «Кетä, Кеті, Кеми» («лодка» — древнетюрк.); «Көмір» («уголь» — казакск.); «Күме» («свод печки» — чувашск.); «Кемеге, Кимеге, Кәмәгә, Кәбәгә» («яма для раскладывания огня наподобие печки» — кыргыз., алт., телеут., лебединск., хакасск., шорск.); «Гемі» («кусочек льда плывущий по воде на котором можно плыть» — турецк.); «Кимә жибәр» («костер на льдине во время ледохода» — татар.). В Хакасии имеется каменный обелиск, культовая коновязь для лошадей горных духов — «Киме-Тас» — «каменная лодка». Все эти слова могут быть связаны с мифом о потопе, с периодом оледенения, с ковчегом Ноя и послепотопном расселении человечества в мифической котловине Эргунэ-Хун//Эргенекон на территории Урянхая, и выход из котловины с помощью расплавления склона горного хребта. Слова «Күме» («свод печки» — чувашск.); «Кемеге, Кимеге, Кәмәгә, Кәбәгә» («яма для раскладывания огня наподобие печки» — кыргыз., алт., телеут., лебединск., хакасск., шорск.) могут быть связаны с древнейшими процессами вулканической деятельности на территории Восточных Саян, в том числе и с вулканическим процессом

формирования реки Каа-Хем (Малый Енисей) [35]. С легендарной страной тюрко-монголов Эргунэ-Хун//Эргенекон, как котловиной, чашей, окруженной «со всех сторон крутыми хребтами, расположенными в форме почти правильного круга (т.е. подобно огромному перевернутому колоколу)» [2] связано и турецкое слово *Кемер*, что значит «пояс, арка, свод». Также древнетюркское слово *Кемал* — «совершенный» — относится к Ною, как праведнику и непорочному (Быт. 6:9).

Во время кыргызского периода Туву называли Кем-Кемджиут, т.е. страной Кем и Хемчика. Даже столетия спустя после гибели Уйгурского каганата известный персидский историк Рашид-ад-Дин писал: «Кыргыз и Кем-Кемджиут — две области, смежные друг с другом; обе составляют одно владение... В этих областях много городов и селений, и кочевники многочисленны» [11].

Название же реки Улуг-Хем связано не только с гидронимом «Железная Вода» (что напрямую относится к «Демир-сал» — «Железному плоту» Ноя и горе Бууре), но и к Дракону. В древнетюркском языке первичное значение слова *uluğ* (ang) «большой, огромный; страшный» (зверь, животное) — «ящер; крокодил; дракон». Генетическую связь тюркск. *uluğ* ~ *uluw* и китайск. *long* «дракон» (ср. монгольск. *luw*, калмыкск. *lun*) можно видеть не только в аспекте семантики, но и с учетом фонетических чередований, характерных для многих тюркских языков. На примере казахского языка видно, как фонетические варианты одного и того же тюркского слова на основе его первоначальной полисемии со временем превращаются в отдельные лексемы, сохраняя за собой одно из ряда близких значений, выражаемых исходным словом: *uluğ* > *uluq* «великий; правитель; чиновник» ~ *ulı* «великий, большой» ~ *uluw* «крокодил (большой водный хищник); улитка» / монгольск. *luw* «змея, дракон» (казак. — *uluw jılı* — «год дракона»); произошло аналогичное сокращение начальной гласной в следующих словах: *uluw* > *luw* [Илиуф Хаджи-Мурат Шаяхмет-улы].

На алтайск. языке одно слово «Улу» означает — «великий», «важный», «дракон», «вой волка». «Улучы» значит — «воющий волк». «Улу адай» — это «предок». «Улус» — «народ», а «Улуш» — также «завывание (волка)». «Улу дьыл» — «год дракона».

Таким образом, гидроним Улуг-Хем можно толковать или как «Река Дракона», или как «Народ Дракона», где часть «Улуг//Улу» — «дракон» обозначает тотем, а часть «Хем//Кем» указывает на этноним.

Если плот Ноя находился на горе Буура, то вполне логично, что и внук Ноя Кемер жил рядом с этой горой, отсюда и древность, и эндемичность тувинского гидронима Хем//Кем, а также то, что эпицентр распространения термина Кем, как и этноса — киммерийцев (прото-тюрко-монголов), как «Улуг-Хем//Народ Дракона» — территория Тоджинской котловины. Данный гидроним связан с древнейшим этнонимом и исходным, изначальным библейским антропонимом, который теснейшим образом привязан к легенде о прародине тюрко-монголов Эргунэ-Хун//Эргенеконе и Урянхаем. Корневая основа Кем связана с мифом о потоке и внуком Ноя - Кемером, а также с заветом Тэнгри — кемпіркосак (радугой).

С гидронимом Улуг-Хем связана и этногонимическая легенда о лебедо-прародителе. Генеалогические предания о лебедо-прародителе имеются у бурят. Это сказания о происхождении восточных хори-бурят, западных — аларских и тункинских хонгодоров, а также хангин, шарайд, гушад и шошоолог от девы-

лебедя «Хун шубуун». Помимо указанных бурятских родов, особое почитание лебедей отпечено у ряда других, преимущественно тюркоязычных народов. Например, лебедь был тотемом у якутов-намцев — значительной этнической группы Центральной Якутии, у родов уоргалар, оспех и якутов Эльгетского наслега бывшего Верхоянского округа, а также у тувинцев Центральной Тувы, у которых имеется род куулар. Лебедь почитался у некоторых хакасских родов — качинцев, бельтиров, сагайцев и кызыльцев, а также у тувинцев-тоджинцев и тофаларов. Из современных монголоязычных народов тотемный культ лебеда отмечен у ойратов и дэрбэтов Западной Монголии.

По мнению Д. С. Дугарова культ лебеда возник и локализуется в Центральной Азии и Южной Сибири и относится ко времени палеолита. По подсчетам А. П. Окладникова, среди наскальных изображений Центральной Азии, Южной Сибири и Забайкалья лебедь занимает первое место. То же в знаменитых «оленных камнях» Забайкалья и Северной Монголии. На петроглифах северо-западного скалистого берега оз. Байкал, в бухте Саган-Заба находятся изображения рожавшей женщины, держащейся за лебеда. Композиция представляет собой контурное изображение, на которой роженица представлена в характерной сидячей позе анфас, с широко раздвинутыми в стороны ногами и руками, причем ее левая рука соединена с грудью птицы [13; 34].

По одной из двух легенд о происхождении тюрков их далекий предок происходил из «владельческого Дома Со, обитавшего от хуннов на север». «Старейшина аймака назывался Апанбу. Их было 70 братьев. Первый назывался Ичжини-нишиду и родился от волчицы. Апанбу с прочими братьями был от природы глуп, почему весь Дом его был уничтожен. Нишиду имел сверхъестественные способности. Он мог вызывать ветер и дождь. Он имел двух жен, одна из которых была дочерью духа лета, другая — дочерью духа зимы. От первой жены у Ичжини-нишиду родилось четыре сына. Первый из них превратился в Ивиса — лебеда, второй, под именем Цигу-Кыргыз, царствовал между реками Афу — Абакан и Гянь — Енисей. Третий царствовал на реке Чуси, четвертый, старший сын по имени Надулу-шад, жил в горах Басычусиши. Его сородичи, потомки Апанбу, жили в этих горах, где были очень холодные росы. Надулу-шад «произвел теплоту», чем спас всех остальных сородичей, которые избрали его старейшиной и приняли название тюрк. Он имел десять жен. Его сын от младшей жены, Ашина, хотя был малолетним, смог опередить всех своих братьев и выше всех прыгнул на большое дерево. Поэтому братья признали его старейшиной под именем Асянь-шад» [39, с. 16–17].

Н. А. Аристов связал упомянутую в легенде реку Гянь (Кянь) с рекой Улуг-Хем, «т. е. сохраняющееся с древнейших времен туземное название реки Енисей». Обратимся к понятию «владение Со» из которого по легенде произошли тюрки. Н. А. Аристов пишет [7], что у кумандинцев («мен куудан буткен кизи», в переводе на русский язык означает: «Я происхожу из лебеда») имеется сеок Со на р. Бия недалеко от впадения в нее р. Ку//Лебедь. Род Со — остаток доисторического племени Со из которого вышло племя Ку//Лебедь. «Со — весьма древний этноним». Н. А. Аристов сопоставил «государство Со» из летописи «Чжоу шу» с этнонимом Со у кумандинцев. Тем самым «Со» локализуется им с бассейном реки Ку//Лебедь.

В письменных русских источниках на протяжении 17 в. кумандинский сеок Со выступает под названием Солунская волость. Сам сеок Со кумандинцы называют Солу. Названия первоначальных родов привязано к топонимике и гидронимике местности. Например, гора Солу, что выше р. Ку//Лебедь. В 50 км от горы Солу течет речка Солу, которая является притоком р. Ку//Лебедь. По данным и Л. П. Потапова гору Солу, близ Турочака, считали своей охотничьей территорией верхние кумандинцы (рода: со и кубанды) и тубалары (сеока кузен). Для данных родов гора была священной, родовой [40].

На древнетюркском языке этноним, гидроним и ороним «Со-Лу» можно прочесть, как: «Со» — «замок, кандалы, цепь» и «lū» — «дракон», «змея» (в древне-уйгурск. — «luu»). То есть «Дракон, закованный в цепи». Вспомним в этой связи и то, что по летописи «Чжоу шу» — Ичжини-нишиду, не только родился от волчицы, но и был камом. Ада//Отец всех камов — Эрлик-хан. «Со-Лу» — «Дракон, закованный в цепи». Дракон — подземный Эрлик-хан, которого в тюрко-монгольских легендах богатыри заковывают в цепи. Можно предположить и следующее: если, Эрлик-хан — это Дракон, что соответственно равно Лу, тогда получается, что Со-Лу может читаться и наоборот, как Лу-Со.

В Монголии «Лусо» — драконы, хтонические духи-хозяева прежде всего водоемов, но также и гор, урочищ и других местностей. Они змееподобны и связаны с царством Эрлик-хана. В сказаниях калмыков громовержец Лун-хан, относимый в них к окружению властелина подземного царства Эрлик-хана, поднимается верхом на черной туче из озера, которое при грозе высыхает. У ойратов северо-западной Монголии (дербетов) Лун-ханом называется дух — хозяин местности вокруг Улан-гома. Встречается образ Лусо, как чудовища, олицетворяющее хаос, источающее яд, грозящее гибелью и разрушениями; обитает в недрах Земли или мирового океана [28]. Помимо этого в древнегреческ. — «люкос», в латинск. — «лупус», в итальян. — «лупо», в румынск. — «луп», во франц. — «лу» — все эти слова с корневой основой «Лу» означают — «волк», который является тотемным животным всех тюрко-монголов. Итак, тюркский этноним кумандинского сеока «Солу» имеет прочтение, как: «Дракон (Эрлик-хан) закованный в цепи».

С точки зрения тюрко-монгольской мифологии термины, обозначающие дракона или змея, как хтонических существ, могли одновременно означать существ и небесного порядка, в чем проявляется их амбивалентность [1, с. 31–32]. Эрлик-хан//Дракон и был таким существом в космологии и теогонии кумандинских камов. Там он выступает товарищем и братом небесного бога Ульгена. У урянхайцев два Кайракана: один небесный другой — медведь, т.е. Эрлик-хан («караджиме» — медведь по-урянхойски. По-алтайски «кара-джиме» — темные духи. Эрлик-хан у челканцев — «медвежья лапа») [21, с. 29–31]. У бурят Эрлик-хан также изначально был Небесным сыном бога и Белым Господином («Эрлэн сагаан ноен») [37].

Аналогичным амбивалентным мифологическим тотемным существом был и дракон-лебедь: с одной стороны, это небесный, солнечный символ, с другой, лебедь — хтоническая птица подземного бога Эрлик-хана. На страницах своего путевого дневника «Из Сибири» В. В. Радлов, проводивший научные экспедиции по Западной Сибири приводит слова сказителей из древних эпических произведе-

дений алтайского народа кузенов (кузены — это все лебединцы, как и кумандинцы, и челканцы) и абаканских хакасов. Именно в этих текстах упоминаются подземные существа — «женщины-лебеди», которые живут в царстве Эрлика [32]. Сам Эрлик-хан неоднократно назван в мифах седым стариком с белой бородой, у которого в услужении две бледные женщины «ку-курьяк» (лебеди-женщины). По-хакасски словосочетание «женщина–лебедь» звучит как «Хуу хаты», что с архаических времен у этого народа означает: «ведьма подземного мира». У сибирских шаманов птица лебедь — это атрибут первого «черного шамана», который сотворил сам себя с помощью Дьявола. На севере Сибири лебедь символизирует погружение шамана в подводный Ад. Шапка алтайских шаманов украшалась перьями лебедя [42]. В хакасском языке слово «хуу» — «белый лебедь» имеет несколько значений, в том числе и «высохший, выцветший, сухой». Например, «хуу пас» — череп (букв. «высохшая голова»), «хуу чазы» — «сухая степь», «хуу сбкк» — «скелет» (букв. «голые кости»). Души женщин–лебедей хранятся в подземном царстве в черном ящике. Эти женщины–лебеди ведут сражение с алтайскими богатырями. Они являются дочерьми семи подземных владык «эрликов» («ирликов»). Зятем подземных женщин-лебедей является один из подземных владык, некий — «Тйер-Кара». Как пишет В. Я. Бутанаев в книге «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» в героических сказаниях внешность «хуу хатов» предстает в следующем виде: обладающие бесовским обликом, с оловянными глазами, с острыми, как шило, медными носами и плоскими переносицами, похожими на сточенный брусок. У них были плешивые головы, с ушами размером с веялку, с пышными грудями, волокущимися по земле, и корявым лицом, похожим на кору тополя. Из-за своих медных лиц «хуу хаты» имеют дополнительные имена: «Чис Ханзар хуу хат» — Медная Костистая высохшая старуха, «Чис Сибелдей хуу хат» — Медная Тощая высохшая старуха, «Чис Хыйазын хуу хат» — Медная Злословящая высохшая старуха. Главной над всеми «хуу хатами» поставлена старшая дочь семи эрликов «Чик Чеекей хуу хат» — букв. *Прожорливый Бес*. Она живет на седьмом подземном «таме», в месте слияния семи морей, в семиугольной медной юрте вместе с семьей эрликами. Она имеет отвратительную внешность, которую может изменять. Нос ее бронзовый, а зубы медные. Чик-чеекей имеет широкую талию, которую не охватить семью охапками. Она ходит в стальных башмаках и облезлой кожаной шубе. Чик-чеекей заплетает семь косичек из пестрых змей и украшает себя бриллиантовыми сережками [9].

То есть, здесь «владение Со», где проживают лебединцы получается вновь связано с богом подземного мира Драконом//Эрлик-ханом.

Исследование некоторых этногонических (и одновременно — погребальных) камских мифов лебединцев, например, челканцев//ку-кижи//ku-kiši показало, что данный народ пришел на р. Ку//Лебедь из местности Уйту-Таш в Минусинской котловине, что связывает их через р. Абакан с бассейном реки Улуг-Хем [31]. Несмотря на то, что этнографы В. В. Радлов и Л. П. Потапов говорили о том, что название ку-кижи//лебединцы получили от гидронима Ку//Лебедь, следует обратить внимание и на утверждение топонимиста Э. М. Мурзаева, которое было приведено в начале нашего исследования, о том, что именно тюркские этносы влияли на процесс номинации географических объектов. В нашем случае это значит, что, скорее всего именно этноним Ку//Лебедь повлиял на формирова-

ние гидронима Ку//Лебедь. Указанный в тюркской этногонической легенде потомок Ичжини-нишиду превратившийся в Лебеда был связан с Улуг-Кем, а значит и вышел в более раннее время из Эргунэ-Хун//Эргенекона, Тоджинской котловины, принеся с собой драконьи и лебединые тотемные этнонимы и мифы, которые легли в основу местных гидронимов и топонимов Северного Алтая.

С одной стороны, язык челканцев, который по В. В. Радлову не отличается от языка кумандинцев [31], имеет большое сходство с древнетюркскими языками и особенно с теми, которые относятся к уйгуро-огузской группе [17, с. 7]. С другой стороны, у челканцев в социально-культурной сфере просматриваются и монгольские элементы: деление сеока на «кырк тунук», т. е. 40 «дымов» у челканцев и административная единица у западных монголов – «дючина»; старинная обувь челканцев, аналогичная обуви тувинцев и монголов; выплачиваемый за невесту калым у челканцев исчислялся в единицах «подо», что означает единицу счета домашнего скота, бытовавшую у монголов [31]. То есть, получается, что челканцы, а также кумандинцы и кузены признанные некоторыми исследователями [7; 31] аборигенами Северного Алтая, все-таки имеют своим происхождением, скорее всего легендарный Эргенекон, общую Прародину для тюрков и монголов.

При переходе тюрко-монголов из Прародины Эргунэ-Хун//Эргенекон находящейся в Тоджинской котловине в Алтай произошел перенос и мифов о потопе. В Тоджинской котловине находится гора Одуген-Тайга и там же закрепился миф о потопе, и плоте Ноя. Аналогичные мифы были зафиксированы также в связи с алтайской горой Адыган. Слова «Одуген» и «Адыган» — это оронимические двойники.

По поверьям алтайцев плот Ноя находится на горе Адыган, на склонах которой — шесть входов в Подземный Мир. «Алтайцы верят, что был потоп. Сал (плот), на котором спасся предок нынешнего человечества, и теперь цел; он стоит на горе Адыган (к югу от с. Улалы, на правом берегу р. Катунь). Кто взойдет на эту гору, тот уже не возвратится оттуда, умрет» [30].

Гора Адыган, Адакан, Ады-ган, Ада-каан. В комментариях к «Очеркам...» Г. Н. Потанин сравнивает это поверье с летописными сказаниями о горе, на которой находится рай, что является явным указанием на Прародину Эргунэ-Хун//Эргенекон. Адыган сопоставим и с татарским именем Большой Медведицы — Итыган (вероятно «громовник» — Г. Н. Потанин), а также с горой Отхан-тэнгри. Адыган перешел в монгольское Отхан. Он же говорит о возможном названии этой горы как Эдыган. На горе Эдыган слышится таинственный звук.

Этногонический миф у челканцев//лебединцев также сохранил повествования о потопе и плоте, на котором спаслись предки человечества [17, с. 4].

В гидронимах и топонимах бассейна реки Ку//Лебедь принесенных тюрко-монголами с драконьей реки Улуг-Хем из Эргунэ-Хун//Эргенекона было зашифровано и передано дальнейшим поколениям мировоззрение тэнгри-камства.

Уже со времен неолита символом тотемной птицы-прародителя был знак свастики [3; 5]. Именно в бассейне реки Ку//Лебедь в Северном Алтае в районе реки Садра (левый приток реки Ку//Лебедь) на скальном выступе горы Садра летом 2016 г. собирателями кедровых шишек — челканцами, из фамилии Пустога-

чевых, из рода красные глаза (кости кызыл кос) был обнаружен мегалитический символ свастики.

Река Садра стекает с западной стороны хребта Аталык (входит в горную цепь Абаканского хребта), с восточной стороны стекают реки Ку//Лебедь, Беже, Албас. Притоки реки Садра: Каба, Яман-Садра, Кёк, Тюстей.

Название реки, горы и озера Садра (Сатра, Сатру, Сарту) по мнению профессора О. Т. Молчановой [25] происходит от тув. — «садыраар//садыра» — «трещать, шуметь»; хакас. — «сатра» — «гремять»; каракалпак. — «сатырла» — «громыхать». Следуя в русле данных рассуждений, возможно, данный топоним можно также отнести к древнетюркск. *sajra*, *sajraš* — «пение птиц».

Обращает на себя внимание корень гидронима Садра — Сад//Шад. Данную корневую основу слова можно отнести к древнетюркскому слову *šad*//Шад — один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах. Титул *šad* встречается на рунических стелах Тюньюкук (7-8 век, Тон:5,41) и Моюн-чур (8 век, МЧ:19). Титул *šad* относился к «принцам крови» имевшим в своем управлении уделы. По степени важности *šad* стоял на третьем месте после титулов: ябгу и хан. *šad* — наместники больших территорий. Позже титул *šad* присваивался предводителям тюркских племенных союзов. Персидский энциклопедист первой половины 10 в. Ибн Руста писал, что в Хазарском каганате реальная власть принадлежала шадом (иша — айша, анса — инса, абшад — ишад). В 10 в. в Хазарии титул шад заменяется титулом бек. Также нельзя обойти вниманием, в связи с вышеизложенным, тот факт, что высший религиозный предводитель, глава высшего религиозного присутствия в Бухаре в первой половине 12 – нач. 13 в. именовался как Садр-и-джахан («столп мира»). Титул Садр историки выводят от арабского Садр, на котором это слово означает «столп», что идентично тюркскому *šad*//Шад, который соответствовал гуннскому титулу «токи» — «прямой». Садры ведали судом и духовными делами, собирали дань [8; 12; 16; 33].

Теперь кратко остановимся на гидронимах, впадающих в реку Садра притоков. Река Каба — *qaba*, *qara* на древнетюркском значат — «высокий, поднятый». Каба — этноним, антропоним, топоним в местах проживания кыпчаков. Происходит из Алтая, встречается в Тянь-Шане. Река Яман-Садра — на древнетюркск. *jamap* — «плохой». Возможно, название связано с богом Ямой//Эрлик-ханом. Река Кёк — Кёк на древнетюркск. — «Небо». Река Тюстей возможно: Тюс — Тёс — «дух»; Тес — шорск. «заимка для ловли зверей»; Тус — «солёный». Тей — Тай — «гора» или аффикс «-тей».

Для понимания всей картины скрытых смыслов в топонимах и гидронимах бассейна реки Ку//Лебедь следует обратить внимание на название хребта Тобр — казакск. «корень, основа»; хребта и гор — Аталык, что значит «заступающий место отца; отцовство, отцовское право» и на названии реки Албас, которое теснейшим образом связано с библейскими легендами о превращении падших ангелов в Камень и албастами — женскими демоническими персонажами в мифологии тюрко-монголов [21; 22].

Прочитав топонимы-знаки и гидронимы-знаки, запечатленные в «геокультурном пространстве» бассейна реки Ку//Лебедь мы видим, что перед нами стоит некое послание о нахождении в этом месте источника Красной (урочище Кызыл

Садра рядом с устьем р. Садра) Высшей Духовной и Светской Власти, Духовный Столп (гидроним Садра), с запада от которого символы Небесного Царства, Кёк-Тэнгри (гидронимы: Кёк, Каба), а с востока символы подземного царства (гидронимы Яман-Садра, Албас). В центре же реки Садра находится символ лебедя-прародителя — тэнгрианская свастика, символ зарождения Человека. В этом послании зафиксировано тэнгри-камское архаическое знание о сакральной троичности Вселенной, вертикальной картине тюрко-монгольского мироздания, которое позже было записано рунами в эпитафии Кюль-Тегина (Большая надпись, 1): «Когда было сотворено вверху голубое небо внизу темная земля, между обоими были сотворены сыны человеческие». Верхний мир, Тэнгри-хан: *üzä* — «вверху»; Средний мир, Человек: *äkin aḡa* — «между обоими»; Нижний мир, Эрлик-хан: *asḡa jaḡüz jęḡ* — «внизу темная//черная земля» [14].

Делая обзор и подводя итог нашему исследованию можно заключить следующее:

1. Основными и общими для прото-тюрко-монголов являются этногонические мифы: миф об Эргунэ-Хун//Эргенеконе, легенда о потопе и предание о лебедя-прародителе. Данные мифы нашли свое отражение в номинации географических объектов: гидронимах и топонимах Саяно-Алтайской горной системы.

2. Объединяющим эти мифы стало эндемичное для Саяно-Алтая слово-знак понятие — «Хем//Кем» вошедшее в состав первичного анропонима - Кемер, распространившееся впоследствии на этноним — киммерийцы (прото-тюрко-монголы), в дальнейшем на гидроним — Улуг-Хем, а также входящее в состав теонимов и религиозных понятий связанных с Тэнгри и тэнгри-камством (например, «Кем//Кам» и «кемпіркосак»).

3. Этимологический анализ гидронима «Улуг-Хем» показал, что оно может означать как «Река Дракона», так и «Народ Дракона». С гидронимом «Улуг-Хем» связана и этногоническая легенда о лебедя-прародителе. Анализ общего этногонического мифа тюрков о «владельческом Доме Со» и лебединских камских погребальных мифов показал, что Прародиной лебединцев и источником номинации географических объектов бассейна реки Ку//Лебедь могли быть драконьи и лебединные тотемные этнонимы и мифы принесенные от берегов реки Улуг-Хем из Эргунэ-Хун//Эргенекона. При переходе тюрко-монголов из Эргунэ-Хун//Эргенекона находящегося в Тоджинской котловине на территорию Алтая произошел перенос некоторых оронимов (например, «Одуген» — «Адыган»), а также мифа о потопе и плоте Ноя.

4. Путем прочтения топонимов и гидронимов, запечатленных в «геокультурном пространстве» Северного Алтая и установления их связи с сакральными объектами в районе бассейна реки Ку//Лебедь выявлено зашифрованное тэнгри-камское архаическое знание о сакральной троичности Вселенной: Верхний мир — Тэнгри-хан; Средний мир — Человек; Нижний мир — Эрлик-хан.

Таким образом, анализ древних, основных, общих для тюрко-монголов этногонических мифов: об Эргунэ-Хун//Эргенеконе, о потопе и о лебедя-прародителе; интерпретация топонимов, гидронимов, эндемиков, этнонимов Саяно-Алтая, а также прочтение текста «геокультурного пространства» бассейна реки Ку//Лебедь на Севере Алтая говорит о древности и общности тюрко-монгольских этносов, единстве их исторического развития, целостности миро-

воззренческих тэнгри-камских представлений в рамках единого сакрального центра Саяно-Алтайской горной системы.

Литература

1. Абаев Н. В. Архаические формы религии и тэнгрианство в этнокультурогенезе народов Внутренней Азии. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. — 248 с.
2. Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эрнекон», «Эргунэ-Хун» или Танну-Урянхая? // Новые исследования Тувы. — 2011. — Вып. 1(9) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_9/3042-abaev.html (дата обращения 23.12.2016).
3. Абаев Н. В. Синергетические и метафизические основы тэнгрианской религии Чингисхана // Новые исследования Тувы. — 2009. — Вып. 1–2 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/120-tengriism.html (дата обращения 23.12.2016).
4. Абаев Н. В. «Саяниды» и сакральная символика мифологемы «Три Солнца» в тэнгрианской религии: опыт реконструкции и интерпретации // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2016. — Вып. 1. — С. 4–11.
5. Абаев Н. В. Тэнгрианство и Северный буддизм Единой колесницы (Экаяны) в бурят-монгольской школе единоборства Шонын–баша // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2016. — Вып. 3. — С. 25–37.
6. Абаев Н. В. О роли митраизма и героического эпоса тюрко-монгольских народов в формировании арийско-туранской цивилизации Внутренней Азии // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2015. — Вып. 4. — С. 4–19.
7. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. — 1896. — Вып. III–IV, Год шестой.
8. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. — Москва: Восточная литература, 1963.
9. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно–Алтая. — Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003.
10. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1995.
11. Вайнштейн С. И. Загадочная Тува. — Москва: Дом. газ., 2009.
12. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — Москва, 1967.
13. Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюркомонгольских народов // Советская этнография. — 1983. — № 5.
14. Журакузиев Н. И. Представления древних тюрков о мироздании (на примере памятника в честь Кюль-Тегина и памятника с Элегеша) // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 62 Филология, Искусствоведение. — 2012. — № 2 (256).
15. Илиуф Хаджи-Мурат Шаяхмет-улы Тюрко-китайские лексические параллели. Семей, Республика Казакстан. [Электронный ресурс]. — URL: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/44TurkicAndChinese/YiliufHMTurkic-Chinese_Ru.htm (дата обращения 23.12.2016).
16. Калинина Т., Петрухин В., Флеров В. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. — Москва: Изд-во «Рукописные памятники Др. Руси», 2014.
17. Кандаракова Е. П. Чалканские сказки. — Горно–Алтайск: Кн. изд-во «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2005.
18. Карлссон Т. Адурлуна. Готическая каббала / пер. с англ. И. С. Анисеева. — Домодедово: Дархон, 2009.
19. Корнев И. Н. География и топонимика в контексте гуманитарного дискурса // Географический вестник. — 2014. — Вып. № 1 (28).
20. Лайпанов К. Т. Тюркский мир: истоки и связи. — Черкесск, 2007.
21. Лебедев Р. Алтай – Европа: тропами древних мифов. — Новоалтайск, 2015.
22. Лебедев Р. Тэнгри-камство и сакральная география Саяно–Алтая. — Новоалтайск, 2016.
23. Летова И. А. О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. — 1982. — Вып. 15.
24. Марр Н. Я. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории // Известия Академии наук СССР. VI серия. — Т. 20. — Вып. 5–6, 1926.
25. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно–Алтайск, 1979.
26. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. — Москва: Мысль, 1974.
27. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. — Москва: Наука, 1995.

28. Неклюдов С. Ю. Мифы народов мира. — Москва: Сов. энцикл., 1988.
29. Ондар Б. К. Гидронимия Тувы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1993.
30. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005.
31. Потапов Л. П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974.
32. Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. (Aus Sibirien, 1893). — Москва: Наука, 1989.
33. Садри Максуди Арсал Тюркская история и право / пер. с турец. Р. Мухамметдинов. — Казань: Изд-во «Фэн», 2002.
34. Селиванова Л. Л. Аполлоновы лебеди (К семантике образа в религиозных представлениях античности) // Человек и общество в античном мире. — Москва: Наука, 1998.
35. Соскал Ай-бек. Деятельность вулканов Восточных Саян — основа зарождение легенды об Одуген-тайга, зарождение тэнгрианского мировоззрения и горного дела // Tour de Lucifer, 22 авг. 2016. [Электронный ресурс]. — URL: https://vk.com/wall-89459061_323 (дата обращения 23.12.2016).
36. Толбина Т. В. Микропонимия Воронежской области: Особенности номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003.
37. Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов: центрально-азиатское тэнгрианство в свете духовных учений: В 2 ч. Ч. 2. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
38. Флавий И. Иудейские древности. — Москва: АСТ, Ладомир, 2003.
39. Худяков Ю. С. Золотая волчья голова на боевых знаменах. Оружие и воины древних тюрок в степях Евразии. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
40. Шагобалов В. К. Происхождение древних тюрок (исторический очерк). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.shatobalov.ru/> (дата обращения 23.12.2016).
41. Шах-Карим Кудайберды-улы Родословная тюрок, киргизов, казахов и ханских династий / пер. Б. Каирбекова. — Алма-Ата: жазушы, 1990.
42. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — Киев: София, 2000.
43. Naszanov Zaur. Samanisztikus szertartások es attributumok Ukrajna, Magyarorszag es Azerbajdzsan keső bronzkori es korai vaskori regeszeteben (a kimmerek vilagszemlelete) // Magyarorszag es Azerbajdzsan: a kulturak parbeszede. II Nemzetkozi tudomanyos konferencia (November, 6–8, Budapest). — Budapest, 2007. — С. 75–94.

INTERPRETATION OF SOME ALTAI-SAYAN
SACRED TOPONYMS IN LIGHT OF ETHNOGENIC
TURKIC-MONGOLIAN MYTHS

Roman V. Lebedev

Scientific consultant

ANO "Siberian Academy of integral human development "AkademTorum""

E-mail: lrv-lmk@yandex.ru

This article deals with some geographical categories: toponyms, hydronyms, and native place names in the assumed centers of the Turko-Mongols ethnogenesis. These centers are treated as "geocultural space", where place names act as carriers of meanings and embodiment of Tengri-Kama archaic knowledge.

We reveal that Altai-Sayan native place name "Hem // Cem" united etnogenic myths of Turkic-Mongols, it reflected the primary anthroponym "Cemer", which had spread to the ethnonym "the Cimmerians" (the proto-Turko-Mongols) and the hydronym "Ulug-Hem", and comprised theonyms and religious concepts related to Tengri worldview ("Cem // Cam" and "кемпіркосак").

The analysis of ancient, fundamental and common for Turkic-Mongolian etnogenic myths about Ergene Hoon // Ergenekon, flood and the swan-grandparent. Interpretation of Altai-Sayan toponyms, hydronyms, native place names, and ethnonyms shows ancientry and commonality of Turko-Mongol ethnic groups, unity of their historical development, integrity of Tengri-Kama worldview ideas within the single sacred center of the Sayano-Altai Mountain system.

Keywords: Tengri-Kama worldview, etnogenic myths, Ergene-Hoon, Ulug-Hem, swan, dragon, Tengri, Erlik Khan, the Cimmerians, ancient Turks, Mongols, the Kumandins, the Chelkans.